

Юрген Штрауб¹

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

Термин «межкультурная компетенция» широко известен и часто используется в научной литературе, однако в современном глобализованном и, так сказать, «глокализованном» мире данное понятие еще недостаточно прояснено. Я рассматриваю межкультурную компетенцию с точки зрения культуры в широком смысле слова. Изучая это понятие, я опираюсь на научные исследования, особенно в области психологии, проведенные учеными Европы и Северной Америки. Что касается исследователей в этой области из других регионов мира, то они в основном поддерживают теории так называемой современной западной психологии.

Межкультурная компетенция — общее понятие, созданное для анализа и лучшего понимания практических глобальных проблем в многонациональном обществе и при межкультурном обмене. Кроме того, межкультурная компетенция может оказать существенную помощь при решении проблем, возникающих вследствие культурных различий (иными словами, проблем общения представителей разных культур). Соответственно многие аспекты понятия «межкультурная компетенция» играют важную роль в различных научных дебатах, политических и общественных взаимоотношениях. Часто межкультурная компетенция рассматривается как одно из важнейших понятий XIX века. Очевидно, что умение конструктивно применять знания о культурных различиях в общении становится все более необходимым в современной жизни. Однако, несмотря на это, структура и значение такой сложной личностной категории, как межкультурная компетенция, остаются мало и плохо изученными.

В данной статье представлен концептуальный анализ, обсуждаются некоторые теоретические положения, даются определения и модели межкультурной компетенции, в первую очередь с точки зрения психологии. С помощью прагматического анализа многие современные неясные и спорные вопросы обретают очевидные ответы. В то же время результаты работы могут помочь определить плодотворные и инновационные перспективы изучения и развития рассматриваемой компетенции в межкультурном диалоге.

Важность культурных различий

Если какие-либо социальные группы или индивиды считают себя непохожими на других, четко разграничивают и отделяют себя или свою группу от прочих, это означает, что у них существует ясное представление о различиях, включающее психосоциальное значение зафиксированных отличий². В настоящее время такие группы также утверждают, что обладают культурными отличиями, ссылаются на необходимость учитывать это в многонациональном обществе и считают применение знаний об отличиях основным условием межличностного и межгруппового общения, сосуществования и сотрудничества. По их мнению, незнание культурных особенностей или нару-

шение культурных обычаев может привести к серьезным последствиям, мешающим плодотворному общению.

Общезвестно, что те, кто не признает, игнорирует, неправильно интерпретирует такие отличия, скорее всего потерпят неудачу при общении или попадут в неловкую ситуацию. То есть с самого начала успешное общение, сотрудничество или сотрудничество могут не состояться. Не принимая во внимание или не пользуясь элементарными практическими приложениями культурных отличий между разными группами и сообществами, мы рискуем столкнуться с неразрешимыми по своей сути проблемами и конфликтами. Не признавая права на существование культурного многообразия с когнитивной, эмоциональной или практической точек зрения, можно оказаться в ситуации взаимонепонимания или отторжения. Таким образом, цели и задачи общения не будут достигнуты.

Культурные отличия в науке представляют собой проблему особого рода — не только в контексте практического межкультурного общения, но и в тех случаях, когда различные группы заявляют о том, что лишь они обладают знанием истины, и это требует научной проверки³. Правильно интерпретировать и оценить культурные особенности поможет понятие «межкультурная компетенция», которое потенциально настроено на восприятие соответствующих отличий.

Однако не всегда ясно, что именно подразумевается под данным понятием. Существует множество гипотез и предположений на этот счет. Разработкой данного вопроса занимались многие области науки, особенно скрупулезно и тщательно старались изучить эту проблему в лингвистике и межкультурной коммуникации, социолингвистике, а также в психологии⁴. Но прежде чем начать рассмотрение важных аспектов исследуемого понятия, необходимо определить значение термина «культура».

Культура как форма жизни:
к вопросу о развитии понятия

Понятие культуры в данной работе рассматривается отнюдь не с точки зрения культур наций или более крупных образований во времени и пространстве (таких как западная, европейская или христианская, арабская или исламская культуры и прочие современные цивилизации). Напротив, к таким глобальным представлениям о культуре следует относиться скептически, особенно принимая во внимание факт культурной дифференциации и многогранности современных сообществ и постоянно меняющихся в пространстве границ. В последнее время подобное мнение высказывается все чаще.

³ Для изучения этого вопроса с точки зрения психологии см.: Chakkarath P. What can Western Psychology Learn from Indigenous Psychologies? Lessons from Hindu Psychology // Friedlmeier W., Chakkarath P., Schwarz B. Culture and Human Development: The Importance of Cross-Cultural Research to the Social Sciences. N. Y., 2005. P. 31–51; Idem. Kulturpsychologie und indigene Psychologie // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kompetenz. Grundbegriffe — Theorien — Anwendungsfelder. Stuttgart, 2007. P. 237–249; Misra G., Gergen K. J., Glueck A. Psychological Science in Cultural Context // American Psychologist. 1996. № 51. P. 496–503; Misra G., Mohanty A. K. Perspectives on Indigenous Psychology. New Delhi, 2002; Misra G., Srivastava A. K. Rethinking Intelligence: Culture and Conceptualization of Competence. New Delhi, 2007.

⁴ Более подробную информацию можно найти в работах: Lustig M. W., Koester J. Intercultural Competence. Interpersonal Communication Across Cultures. Boston, 2003; Straub J. Kultur // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. Op. cit. P. 7–24; Idem. Kompetenz // Ibid. P. 35–46. По проблематике межкультурной компетенции см.: Thomas A. Interkulturelle Kompetenz // Erwägen — Wissen — Ethik. 2003. № 14 (1). P. 137–150; вводную лекцию: Boltz J. Interkulturelle Kompetenz. Erfurt, 2001; Lüsebrink H. Interkulturelle Kommunikation. Stuttgart, 2005.

¹ Профессор, заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии факультета социальных наук Университета г. Рур (Германия), доктор философии.

Автор около 200 публикаций, в том числе книг по проблемам межкультурной коммуникации и компетентности, качественным исследованиям и использованию биографического метода в гуманитарных науках, теории действия, проблемам идентичности и нарративному анализу, культурной психологии и культурной антропологии: Verstehen, Kritik, Anerkennung. Das Eigene und das Fremde in den interpretativen Wissenschaften; Historisch-psychologische Biographieforschung. Theoretische, methodologische und methodische Argumentationen in systematischer Absicht и др.

² Tajfel H. Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge; N. Y.; Melbourne, 1981.

На современное понимание концепции культуры существенное влияние оказал Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803). Однако его взгляды часто подвергаются резкой (часто необоснованной и несправедливой) критике, поскольку его точка зрения упрощает и старается свести к общему знаменателю вышеупомянутые развитые цивилизации и национальные культуры. Помимо прочего, Гердеру ставят в вину, что он рассматривал и описывал культуры как статичные образования, как будто культуры такие же неизменные явления, как предметы или объекты. Однако мы можем привести много примеров, когда культуры создаются и распадаются, восстанавливаются и утверждаются, противопоставляя себя прочим альтернативным, конкурентным «образованиям»; находятся в постоянном процессе общения, испытывая иногда мелкие конфликты и неурядицы и изменяясь иногда совсем незаметно.

Кроме того, в современном мире часто подвергается нападкам концепция, с одной стороны, рассматривающая культуру как латентную и замкнутую форму, своего рода остров или архипелаг, закрытый от внешнего мира; а с другой стороны, считающая культуру неизменной субстанцией, исключая ее из течения времени, не анализирующая ее с исторической точки зрения, как будто характерные черты какой-либо культуры даны навечно и не восприимчивы к любым внешним влияниям, практически постоянны. Это очень спорная позиция, особенно в тех случаях, когда культурная принадлежность расценивается как этническое происхождение и рассматривается с биологической, природной точки зрения¹.

Все эти возражения принято считать справедливыми и правомочными. Благодаря им несколько десятилетий назад наука сформулировала более гибкую концепцию культуры, адекватно отвечающую условиям современной жизни в глобализованном мире². Согласно новой концепции культура есть открытая, подверженная историческим изменениям, динамичная система, обеспечивающая своим представителям ряд определенных практических способов когнитивной ориентации. Она помогает своим представителям консолидироваться, образовывать структуры, организовываться, управляет мышлением, эмоциями и желаниями, дает опыт и способы действия. Таким образом, действия и поступки тех, кто имеет одинаковое мировосприятие, ведет схожую духовную жизнь, представляет единую культуру, а соответственно единое языковое пространство, становятся взаимно скоординированными и взаимосвязанными.

От представителей одной культуры можно ожидать заранее предсказуемых действий и реакций. Их действия будут основаны на их культурных ожиданиях, исходя из жизненного опыта. Это способствует надежности, доверию и дает возможность предугадать поведение, не начинать каждый раз заново коммуникативный анализ. Культура избавляет нас от неприятной необходимости постоянно сопоставлять и сравнивать образцы поведения. Она направляет действия в знакомое русло привычных поступков, о которых мы можем рассказать друг другу, достичь единых совместных целей и задач (применяя для этого культурно значимые средства). Культура дает нам свод правил, применяемых в повседневной жизни или в определенной сфере деятельности. Часто мы должны применять их, чтобы избежать неприятных и неприемлемых последствий, например наказания. Культура создает более или менее устойчивую реальность, но в то же время

открывает новые возможности для «включения» воображения и фантазии, а также инициативы и сообразительности. Одновременно она ограничивает наш выбор, в той же мере, в какой предоставляет возможность его сделать. Культура разделяет достижимое и невозможное, она определяет наше чувство действительного и возможного.

Обычно это происходит едва заметно для сознания, часто на подсознательном уровне. Знания, которые представители определенной культуры получают в результате роста, развития и жизненного опыта, обучения и общения с другими представителями той же культуры, зачастую остаются неосознанными и не воспринимаются непосредственно. Их можно считать осознанными, эксплицитными, дискурсивными лишь частично. В основном это бессознательные, имплицитные, практические, не выраженные словами знания. Мы ощущаем их скорее физически, а не как рациональные средства, с помощью которых мы размышляем, обдумываем и планируем наши действия. Они помогают нам ответить на вопрос «как?», но не на вопрос «что?». Эти знания предоставляют возможность совместной деятельности, сотрудничества, способность принимать участие в коллективных видах деятельности, языкового общения без особых раздумий над тем, как и почему они действуют тем или иным образом.

Основные модели нашего поведения на знании культурных особенностей, мы говорим и действуем естественно, не задумываясь над этим, не оценивая наше поведение на сознательном уровне восприятия. Мы просто оставляем все рассуждения на невысказанном, подсознательном уровне. Часто мы воспринимаем эти знания осознанно только при общении с представителями совершенно иной культуры, не похожей на нашу, кажущейся нам странной и чужой. Только что-то непонятное и непривычное заставляет нас осознать свое, родное, знакомое. Именно это противопоставление помогает увидеть, кем мы являемся, как мы мыслим, чувствуем и действуем, каков культурный отпечаток (импринтинг), определяющий наше поведение.

Совершенно очевидно, что представления, побуждения, практика и деятельность, жизненный опыт людей естественным образом определяются культурой. Именно поэтому они отличаются от представлений, деятельности и опыта представителей других групп. Это замечание справедливо для культуры как крупного территориального, так и небольшого локального или регионального образования, быстро меняющегося или исчезающего во времени образования (субкультуры, или альтернативной культуры). Под этим подразумевается, что любой человек на протяжении всей жизни или в определенный момент может одновременно принадлежать к нескольким различным культурам. Культурная принадлежность — это плюралистический вопрос. Она существует только в форме множественной принадлежности.

Мы сравниваем культуры для того, чтобы выделить и рассмотреть важные различия, практически значимые. В этом наша позиция существенно отличается от позиции сторонников традиционной, отвергнутой нами нормативной концепции культуры, особенно с учетом следующего положения: культуры могут быть различны между собой, но это не означает, что одна из культур может быть более или менее значима по сравнению с другой. Современные люди начали отвергать или скептически относиться к нормативной концепции, выражающей нетерпимость, считающей собственную культуру лучшей, более развитой, обладающей превосходством, разнообразием, одновременно с этим полагающей прочие культуры примитивными, неразвитыми и низшими.

Концепция культуры, которая в последние десятилетия стала популярна в различных областях науки, а также при обсуждении этой проблемы в обществе, — это

¹ Welsch W. Transkulturalität // Interkulturalität — Grundprobleme der Kulturbegegnung. Mainzer Universitätsgespräche Sommersemester 1998. Trier, 1999. P. 45–72.

² Eagleton T. The Idea of Culture. Blackwell, 2000; Hannerz U. Cultural Complexity. Studies in the Social Organization of Meaning. N. Y., 1992; Straub J. Kultur. P. 7–24.

дистинктивная, а не нормативная концепция. Дистинктивная концепция культуры дает возможность сравнивать культурные формы жизни, языковое общение, способы и стратегии выбора поведения, не оценивая их с предустановленной, иррациональной точки зрения, превозносящей собственную культуру. Однако это не означает, что нельзя обсуждать особенности культурной жизни и мировосприятия, напротив, такие обсуждения должны иметь место. Более того: в этой области неизбежно будут существовать споры и конфликты. Но они касаются только некоторых определенных аспектов культурной жизни: например отношения мужчины к женщине, роли женщин в обществе, отношения к детям, окружающей среде, обращения с животными и т. д. Но это споры не о культуре в целом.

Подобные элементы и аспекты культурной жизни вызывают многочисленные дебаты и могут служить причиной межкультурного непонимания и отчуждения. Здесь нет места соглашательству. Те, кто избегает дискуссий о существенных, главных культурных вопросах, имеющих практическое применение, — этических, моральных, эстетических — и хотят все свести к единообразию для всех отношении, проявляют по меньшей мере безразличие по отношению к представителям другой культуры, к признанию другой культуры важной и имеющей право на существование. Такие люди просто не воспринимают всерьез другую культуру.

Никакое серьезное изучение культуры невозможно там, где существуют укоренившиеся предрассудки и лелеются опасное чувство собственного превосходства, нарциссизм, эгоизм, а также там, где успокаиваются политкорректными лозунгами и признают правильными и необходимыми абсолютно все существующие культурные системы убеждения, действий, мировосприятия, манеры поведения. Диалог и взаимное общение возможны только там, где участники, общаясь друг с другом, обоюдно обсуждают свои убеждения, намерения, действия и культурное знание. Это вовсе не означает стремление соглашаться и без колебаний отвечать всем «да» (это психологически гораздо труднее и требует большего напряжения). Не следует путать высокомерную снисходительность и подлинную толерантность¹.

Очевидно, что развитие гибкой и нейтральной концепции культуры может послужить хорошим уроком истории для западного мира или Европы, ее довольно нелицеприятного прошлого. Вот что пишет об этом Клиффорд Гирц: «Когда-то не так давно, когда у Запада было значительно больше самоуверенности, когда он совершенно точно знал, в чем его сильные стороны и чем он является на самом деле, понятие культуры было фиксированным и имело строго очерченные границы. Во-первых, оно проводило разделительную линию (в пространстве и истории) между Западом — рациональным, прогрессивным, истинным, исторически развитым и не-Западом — полным предрассудков, архаичным, отсталым, неразвивающимся, иррациональным. Позже, когда оказалось, что такое представление слишком невежественное и глупое, слишком явно противоречит многим этическим, политическим и научным принципам и убеждениям, возникла необходимость более сбалансированного и разумного представления об остальном мире, поэтому произошел сдвиг в концепции культуры, и ее стали понимать так, как это происходит сегодня: способ жизни какого-либо народа. Острова, племена, сообщества, нации, цивилизации... в конце концов даже социальные классы, области, этнические группы, меньшинства, молодежные слои имеют свои культуры, то есть способы и манеры действия и поведения, совершен-

но ясно и четко различимые, и каждый отдельный индивид имеет свою собственную культуру»².

Эта концепция тоже не была принята сразу, ее критиковали, пересматривали, вносили в нее изменения. Для наших целей достаточно будет рассмотреть концепцию смыслоориентированной культуры, которая в некоторой степени способствует анализу и разграничению различных культурных картин мира и образов жизни, способов языкового общения, манеры поведения крупных сообществ людей. В этой концепции невозможно автоматически сравнивать и вряд ли имеет смысл ставить культуры в один ряд, а также оценивать их с точки зрения наличия позитивного самоопределения их социума. Данная смыслоориентированная концепция культуры может показаться довольно абстрактной. Такой ее определяют приведенные ниже примеры и выдержки, данные здесь в целях подтверждения этого положения:

«Культура есть понятие универсальное, однако для нации, общества, организации или группы это особая конкретная система поведения. Она составлена из определенных символов, принятых в соответствующем сообществе, группе и т. п. Она влияет на восприятие, мышление, выстраивание категорий и образ действия всех ее представителей, таким образом, определяет их принадлежность к определенному сообществу. Культура как система моделей поведения является особым полем деятельности индивидуумов, которые считают себя представителями определенного сообщества, следовательно, она создает предпосылку для развития автономной системы слияния со средой»³.

«Культура есть поле деятельности, в которое входят как материальные, созданные людьми объекты, так и различные социальные образования, а также мысли и убеждения. Будучи полем деятельности, культура предоставляет возможности и тем же манером обеспечивает условия для деятельности, она предписывает и очерчивает цели, которые возможно достичь определенными средствами, но также она устанавливает границы для истинных, возможных и неверных действий. Отношения между различными материальными и идеалистическими составляющими культурного поля деятельности описываются некоей системой, таким образом, изменения в одной ее части неизбежно влекут изменения в другой. Как поле деятельности, культура не только побуждает к деятельности и контролирует ее, но также может постоянно изменяться в результате деятельности, культура это не только структура, но и процесс»⁴.

«Иногда совершенно явно, но чаще едва заметно, неосознанно культура предоставляет многим людям модели поведения и образа мысли для эмоциональной и умственной идентификации, оценки и структурирования происходящих в мире событий, а также предоставляет принципы и парадигмы для выбора способа деятельности и образа жизни... Культура есть прагматико-деятельностная, межличностная система знаний, знаков и символов. Она состоит из следующих аспектов:

— общие цели, которые индивидуумы определяют в конкретных понятиях, применительно к особенностям ситуации, и исполнителями которых они могут являться;

— культурно обусловленные правила поведения, особенно конкретные социальные нормы (требования, способы оценки поведения, а также культурные ценности);

² Geertz C. Local Knowledge : Further Essays in Interpretive Anthropology. L., 1993. P. 53.

³ Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns // Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. Göttingen, 1993. P. 380 (немецкий перевод J. Straub).

⁴ Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin ; Heidelberg ; N. Y., 1991. P. 29.

¹ Straub J. Verstehen, Kritik, Anerkennung. Das Eigene und das Fremde in den interpretativen Wissenschaften. Göttingen, 1999.

— культурно обусловленная совокупность тем, посредством которых полноправный представитель культуры осознает, создает и распространяет знания о своей уникальности и особенностях, общем и индивидуальном понимании себя и мира.

Эти цели, правила, нормы и ценности, а также темы, составляющие содержание культуры и определяющие деятельность, не обязательно имеют лингвистическое выражение или дискурсивное проявление. Очень часто они проявляют себя в поступках, обнаруживают себя самое большее в форме намеков и подсказок к действию. Они могут быть выражены нелингвистическими символами. Кроме того, они могут служить в качестве руководства к пониманию культурной области традиций, обычаев, их значений и происхождения. Когда действия интерпретируются, объясняются и анализируются с научной точки зрения, в их основе предполагается существование данных образов мышления, с помощью которых преодолевается индивидуальный уровень деятельности в создании «культурного контекста» и соотношении последнего с конкретной деятельностью»¹.

Проанализировав вышеупомянутую концепцию культуры, мы можем рассмотреть, как она соотносится с межкультурной компетенцией, о которой так много говорят. Межкультурная компетенция признается многими исследователями ключевым понятием XIX века. Наряду со способностью лидерства и работы в команде, физически и психически противостоять стрессу, организационными или компьютерными навыками, межкультурная компетенция принадлежит к так называемым гибким навыкам, являющимся предметно-обусловленными профессиональными знаниями человека. В настоящее время очевидна ее все возрастающая важность в многочисленных профессиональных сферах.

Достаточно назвать следующие сферы ее применения: межнациональный состав персонала в крупных организациях (имеются в виду не только область экономики и предпринимательства); многонациональные коллективы сотрудников; международные деловые связи и маркетинг; культурно обусловленное общение в научно-технической сфере или в научных исследованиях, сфере туризма или развития; необходимость знаний иностранной культуры в учебном процессе или при учебном международном студенческом обмене, в таких областях политики, как интеграционная политика, в религиозных миссиях, при особой образовательной политике, предусматривающей последующее повышение квалификации и участие в обучающих программах в других странах, когда ежедневно сталкиваешься с культурными отличиями, при общении с различными государственными департаментами и бюро (например, бюро регистрации иностранных граждан), в законодательной системе, включающей юридическую практику в судах, в международных военных и полицейских взаимоотношениях, в различных здравоохранительных организациях (лечебных, психиатрических, психологической помощи и т. п.)².

В повседневной жизни общение с представителями других стран и культур, а также знание культурных отличий давно уже стало привычным из-за постоянного процесса миграции, все увеличивающейся мобильности граждан и благодаря новым технологиям общения. В этом отношении каждодневное непрофессиональное общение бесчисленного множества людей различных культур между собой и потенциал, заложенный в этом, совершенно

очевиден. Обладание межкультурной компетенцией просто необходимо, для того чтобы избежать слишком явного и частого взаимонепонимания в области межкультурного общения и сотрудничества или конструктивно преодолеть его в случае невозможности предотвращения.

Культурные отличия в образе мышления, восприятия, намерения, действия обязательно приводят к кризису общения и конфликтам. Хотя и не существует универсального механизма, неизбежно приводящего к борьбе цивилизаций (например, религиозно обусловленной)³. Тем не менее межкультурные различия в поведении людей обладают значительным конфликтным потенциалом, который следует принимать во внимание.

Данную цель преследует настоящая работа — в ней предпринята попытка теоретически объяснить межкультурную компетенцию и найти пути ее практического приложения. Именно поэтому межкультурная компетенция считается безусловно необходимым, нормативным (этически, морально и политически), практически значимым аспектом потенциала человеческого общения. Иногда даже говорят о ее самоценности, о том, что она является идеалом для современного человека. О ней уместно вспомнить при рассмотрении межкультурной компетенции в контексте многочисленных конфликтующих традиций западного и незападного образов жизни. Вообще межкультурной компетенции уделяется особое внимание как самой важной среди постоянно упоминающихся и проводимых в жизнь образовательных целей.

Следует заметить, что в культурной семантике этого понятия происходит постепенный сдвиг благодаря непрекращающимся дебатам о нем. Понятие межкультурной компетенции становится все более ценностно-обусловленной нормативной концепцией, которая относится не столько к идеальной цели, сколько к реально достижимым способностям и возможностям обычного человека. Очевидно, идеальная цель (или идеальный тип) служит своеобразным эталоном, посредством которого можно измерить уровень знаний культурных различий и основанное на них взаимодействие конкретного индивидуума. Это становится ясным, особенно в свете попыток осознать действенные диагностические тесты для определения уровня межкультурной компетенции. Такие попытки неоднократно предпринимались в психологии⁴. При определении составляющих межкультурной компетенции их результаты играют важную роль, поскольку до сих пор не существует удовлетворительного объяснения, что представляет собой межкультурная компетенция.

Межкультурная компетенция — к вопросу об истории развития понятия, определения и моделей

Выражения «компетенция» и «компетентный», дословно переведенные с латинского языка, употребляются в литературе не так давно⁵. Впервые эти термины были упомянуты в немецком языке в XVIII веке и с тех пор употребляются в разных работах. Вначале они появились в юридических документах, а позднее и в работах из других областей. Понятие «компетенция» с самого начала остается тесно связанным с двумя основными концепциями, а именно: «ответственность, полномочия», с одной стороны, и «потенциал, способность, умение» — с другой.

Интересно, что рассматриваемое понятие с самого начала использовалось для определения различных потенциалов, способностей, умений. В их список входил

¹ Straub J. *Handlung, Interpretation, Kritik. Grundzüge einer textwissenschaftlichen Handlungs- und Kulturpsychologie*. Berlin; N. Y., 1999. P. 166–185.

² Более подробно см.: Straub J. *Kultur*. P. 7–24; *Idem*. *Kompetenz*. P. 35–46; Weidemann D. *Akkulturation und interkulturelles Lernen* // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. *Op. cit.* P. 488–498.

³ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., 1993 (перевод на русский язык: Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 1993).

⁴ Deller J., Albrecht A.-G. *Interkulturelle Eignungsdiagnostik* // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. *Op. cit.* P. 741–754.

⁵ По этому вопросу см.: Straub J. *Kompetenz*. P. 35–46.

и действенный потенциал, берущий свое начало в специальном научном аналитическом знании, так же как и в разнообразных практических приложениях и опыте, основанном на знании. Вскоре термин «компетенция» стал употребляться для обозначения всех возможных потенциалов, способностей, умений людей, которые в том или ином случае могли правильно оценить и определить требования ситуации и думать, чувствовать, ощущать, размышлять, принимать решения и действовать соответственно.

Кроме того, в статьях многих немецкоязычных справочников в связи со словом «компетенция, компетентность» (*нем. kompetent, Kompetenz*) употребляется также устаревшее значение «конкуренция, соревнование» (*der Kompetent*). Это отражает элемент соревнования, который до сих пор прослеживается в понятии «компетенция», и выводит на передний план соперничество между людьми, являющееся важным (хотя и часто игнорируемым) для семантического поля понятия «межкультурная компетенция». Для достижения высот профессиональной карьеры и высокой должности соперники должны показать высший уровень компетенции. Следует иметь в виду, что уровень межкультурной компетенции используется сегодня как критерий отбора: те, кто желает получить определенные задания или выполнить задания, должны превзойти своих конкурентов по уровню межкультурной компетенции и доказать это.

С точки зрения коллективов, культур, культурного обмена, исследователей межкультурный диалог рассматривается как деятельность, основанная на соперничестве, в которой группы конкурируют друг с другом и где благодаря постоянному получению новых знаний различные культуры стараются получить выгоду, иногда посредством силового превосходства над другими¹. В противоположность общению отдельных людей основная цель культур в таких «относительно безобидных» межкультурных диалогах может быть сформулирована следующим образом — быть лучшим и превзойти остальных — это древнегреческий принцип жизни и деятельности, перенятый римлянами и существующий по сей день в самых неожиданных проявлениях.

Межкультурная компетенция подразумевает, что человек намеренно ставит себя в ситуации проявления культурных различий, общения с представителями иной культуры, непохожей на его собственную, принимает и способен разумно оценить эти отличия. Человек не реагирует агрессивно или испуганно на эти отличия и не пытается оградить себя и свое культурное «Я» от посягательств, не старается заключить себя в строго и четко очерченные рамки собственной культуры. Человек рассматривает общение с другой культурой как ситуацию, где ему не требуется защита от чужаков.

Открытость такого «идеального человека», которая связана с уверенностью в своих силах и устойчивостью своего эго, дает возможность принимать опыт общения позитивно, как открывающий возможности для дальнейшего роста и развития своей личности, положительных изменений, расширений границ собственной индивидуальности, перехода к иным качествам. Эта открытость проявляется в результате не принуждения или насилия, а свободного волеизъявления, независимых личностных мотивов человека. Но все это может успешно действовать только до определенного момента. Однако даже в ограниченных условиях открытость, которая, по сути, есть главный фундаментальный аспект межкультурной компетенции, может рассматриваться как данность, как показыва-

ют исследования по вопросу моделирования межкультурной компетенции².

Согласно исследованиям Томаса³ главными и зачастую единственными реакциями, проявленными людьми, столкнувшимися с незнакомыми образцами поведения в так называемых ситуациях межкультурного взаимодействия, оказались следующие:

— на эмоциональном уровне: чувство раздражения, неприятия, отсутствия защищенности, отчужденности, отворачивания, антипатии, ужаса, страха;

— на когнитивном уровне особенно проявлялись такие личностные качества, как усиленное проявление стереотипов, устойчивых предрассудков, индивидуального отторжения и другие (негативные) представления о непохожести;

— на практическом уровне: попытки избежать, уединиться, изолироваться, отгородиться, а также гнев и агрессия и прочие модели поведения, которые отвергают взаимные отношения и сотрудничество, не принимают мирные формы долгосрочного сосуществования и в крайних случаях ведут к постепенной эскалации насилия.

Такие негативные последствия появляются в результате постоянно растущего взаимодействия, основанного на проблемах и конфликтах, которое значительно затрудняет последующее общение и вызывает нежелательный рост столкновений. Но в случае, когда участники общения обладают межкультурной компетенцией, все происходит иначе. Почему так происходит? Какие компоненты входят в это понятие и как его можно точно определить?

Ясно одно: если субъектно обоснованные профессиональные умения и навыки определяются в результате деятельности и наличия формальных свидетельств и сертификатов, то такое общее ключевое понятие, как «межкультурная компетенция» совмещает гораздо больше, чем профессиональные знания и субъектно обоснованная деятельность. Это не только вопрос потенциала и возможностей, которые помогут привести к успешному завершению общения для рационально действующих индивидуумов в строго ограниченной более или менее профессиональной среде.

Если мы рассмотрим известные определения, то концепция межкультурной компетенции может показаться довольно абстрактным понятием, как, например, «эффективное соответствующее взаимодействие между людьми, которые принадлежат к определенным физическим и духовным средам»⁴. Формулируя подобное определение, авторы понимают общие правила межличностной коммуникативной компетенции и применяют их в особом контексте, то есть в ситуации межкультурного общения. Тем не менее процитированное выше определение важно в той мере, в какой оно подчеркивает два основных критерия успешного общения, достигнутого своей цели, основанного на межкультурной компетенции, а именно эффективность и адекватность.

Под термином «адекватность, соответствие» понимается следующее: «Действия людей, вовлеченных в общение, соответствуют требованиям и чаяниям данной ситуации. Соответствующее общение означает, что люди используют символы, которые ожидалось использовать в данном контексте»⁵.

² См. исследование: *Weidemann D.* Akkulturation und interkulturelles Lernen, в которое включены известные модели, созданные Джоном Бери, Мильтоном Беннетом и др.

³ *Thomas A.* Forschungen zur Handlungswirksamkeit von Kulturstandards. Handlung, Kultur, Interpretation // Zeitschrift für Sozial- und Kulturwissenschaften. 2000. № 9 (2). P. 231–278.

⁴ *Chen G.-M., Starosta W. J.* Intercultural Communication Competence : A Synthesis // Communication Yearbook. 1996. № 19. P. 358.

⁵ *Lustig M. W., Koester J.* Op. cit. P. 64.

¹ *Cancik H.* Antikenrezeption und Humanismus // Rösen Jörn. Humanismus heute. Schriftenreihe der Landeszentrale für Politische Bildung. Nordrhein-Westfalen, 2009.

Одновременно эффективность можно рассматривать следующим образом: насколько возможно и возможно ли вообще достичь установленных личных целей. «Удовлетворение от общения или достижение особой поставленной задачи есть образец той цели, которую люди желают достичь посредством общения с другими»¹.

Оба критерия встречаются во многих определениях. Однако мы не далеко продвинулись в достижении первоначальной цели, пусть даже теперь известно, что те, кто ведет общение на основе межкультурной компетенции в вышеуказанном смысле, могут действовать адекватно и эффективно. Каким образом определить их далее?

Александр Томас дает следующее определение: «Межкультурная компетенция есть выражение способности понимать, уважать, ценить и продуктивно использовать условия и факторы восприятия, суждения, осознания и действия в отношении себя и других людей в условиях взаимной адаптации, границы которой могут варьироваться от проявлений толерантности к несовместимым понятиям до развития форм общения и сотрудничества, основанных на совместных действиях, и до создания жизнеспособной модели ориентации в мире, восприятия и строения мира»².

Это определение довольно сжато и трудно для понимания. Определения, подобные этому, могут быть лучше поняты, если рассматривать каждую из его составляющих в отдельности и систематически анализировать их. Некоторые из составляющих требуют детального объяснения и тщательной проработки с примерами. Именно это проводится при так называемом компонентном, или составляющем, анализе моделей межкультурной компетенции. Эти модели выделяют главные аспекты очевидно сложной теоретической конструкции, в рамках различных системных положений. Таким образом можно получить более конкретное и разветвленное представление об исследуемой концепции: что лежит в ее основе, каковы ее составляющие части, изучаемые этими «волшебными формулами» компонентного анализа.

Таблицы 1 и 2 представляют собой два типичных примера таких моделей. Как видно из таблиц, они сочетают компоненты согласно разным принципам. Не только сами компоненты, но и их количество, а также категории, к которым компоненты относятся, варьируются. Благодаря подобным моделям становится очевидно, что теоретические конструкции межкультурной компетенции сочетают и аккумулируют в себе множество качеств, умений и навыков. Таким образом, можно сделать вывод, что данная компетенция состоит из многочисленных областей знания, физических склонностей и потенциалов действия. Поэтому ее нельзя описать схематично, коротко.

Таблица 1

Компонентная модель межкультурной компетенции³

Категории	Компоненты
Личностные качества	Самораскрытие, осознание себя, представление о самом себе
Способности к коммуникации	Навыки передачи сообщения, социальные навыки, гибкость, управление взаимодействием
Психологическая адаптация	Фрустрация, стресс, отторжение, неопределенность
Знания культурных особенностей	Общественные ценности, социальные обычаи, социальные нормы, социальные системы

¹ Lustig M. W., Koester J. Op. cit. P. 64.

² Thomas A. Kultur und Kulturstandards // Thomas A., Kinast E.-U., Schroll-Machl S. Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kompetenz. Göttingen, 2003. P. 19–31; *Idem*. Interkulturelle Kompetenz. P. 7.

³ Chen G.-M. Dimensions of Intercultural Communication Competence / Ann Arbor, MI : Kent State University Dissertation. 1987. P. 46.

Таблица 2

Компонентная модель межкультурной компетенции⁴
(для объяснения понятия языковой компетенции)

Категория эмоциональная	Категория когнитивная	Категория лично ориентированная / волевая
Толерантность к двусмысленности; толерантность к фрустрации; способность преодолеть стресс и уменьшить сложность; самоуверенность; гибкость; сочувствие; свобода суждений, открытость; снижение этноцентризма; принятие и уважение других культур; готовность к изучению других культур	Понимание феномена культуры относительно восприятия, мышления, мироощущения, а также образцов действия и поведения; понимание деятельностных взаимосвязей в других культурах; понимание деятельностных взаимосвязей в собственной культуре; понимание культурных различий в ситуациях взаимодействия; понимание особенностей процесса межкультурной коммуникации; способность к метакоммуникации (то есть способность увидеть собственную форму коммуникации со стороны); знание иностранных языков	Желание и готовность к общению с точки зрения возникновение условий для единичных аффективных, эмоциональных качеств; способность общаться (в том числе на иностранных языках); социальная компетенция (способность устанавливать доверительные отношения с представителями другой культуры, участвующими в общении); постоянство действия: готовность постоянно применять особенности восприятия к действию (как лингвистически, так и экстралингвистически)

Такие модели представляют собой систематизированный список, в котором перечислены важные качества и участники общения, сведущие в межкультурной компетенции. Конечно, во многих случаях внесение определенных областей знания, способностей и умений в список неотъемлемых характеристик межкультурной компетенции оправданно. Однако даже в этих случаях нельзя говорить о хорошо проработанной и развитой теории. Кроме того, многие подобные списки составлены интуитивно, без привлечения теоретических разработок или проведения практических опытов. Даже на современном этапе развития исследований в этой области подобное замечание верно, но оно ни в коей мере не умаляет значения, применения, действенности этих моделей.

Цель, которую они преследуют, очевидна — желание донести основы концепции до заинтересованных лиц, перечислить аспекты, существенные с точки зрения автора и его мировосприятия. Подобные определения концепции межкультурной коммуникации относятся к избранным ситуациям культурного обмена, межкультурного общения, сотрудничества и сосуществования, то есть к таким ситуациям, когда люди достигают предела потенциала своих действий.

Определяющими для глубокого понимания исследуемой концепции служат качества, компоненты, составные части, объединенные в пределах одной категории. В таких моделях решающим является способ, по которому отдельно взятые компоненты (или подобные им) относят к одной категории. Часто, но не всегда исследования по психологии могут помочь в дальнейшем определении концепции (в этой работе нужны ссылки на них, потому что не все употребляемые здесь термины можно объяснить из-за ограниченности объема; кроме того, в некоторых случаях они очевидны). Принимая это во внимание, можно заключить, что вышеупомянутые модели действительны только при первом приближении. Они содержат справедливые замечания относительно того, что есть действительность с точки зрения межкультурной компетенции и какие действия человека она предопределяет.

Не вызывает сомнений, что межкультурная компетенция не начинается со знания иностранных языков, хотя

⁴ Lüsebrink H. Op. cit. P. 77.

это важный компонент, потому что знание иностранных языков тесно связано с возможностью принимать участие в общении с представителями иных культур и образа жизни. Те, кто недооценивает это положение — часто этот пункт не указан в списке компонентов модели межкультурной компетенции, — вероятно, сами не владеют иностранными языками и проецируют ограничение собственного потенциала действия на объект исследования. В таком ракурсе возможно в течение некоторого времени защищать собственное эго и поддерживать уверенность в себе, одновременно с этим ничего не узнавая о предпосылках успешного межкультурного взаимодействия, сотрудничества и сосуществования. Напротив, те, кто выдвигает положение о преимуществах билингвизма и мультилингвизма и призывает к соответствующим изменениям в системе образования, абсолютно правы.

Как было доказано Вильгельмом фон Гумбольдтом в его сложных лингвистических исследованиях, язык взаимосвязан с особым мировосприятием и потенциалом действия. Те, кто говорит на конкретном языке, видят мир определенным образом и воспринимают его с особой точки зрения, которую они разделяют с другими представителями своей лингвистической группы. Эта общая черта способствует обмену, общественным связям и единству, а также увеличивает вероятность вступления в межличностные отношения, создания и поддержания связей, не в последнюю очередь связей с представителями иных культур, существенно отличающихся от собственной.

Дальнейшие аспекты потенциала действия человека становятся основополагающими и важными в той мере, в какой они соответствуют задаче взаимопонимания в конкретной ситуации общения и при краткосрочном сотрудничестве или долгосрочном совместном существовании людей, принадлежащих к разным культурным группам. Вышеописанные модели, как уже было показано, уделяют большое внимание аффективным и эмоциональным совместным качествам. Межкультурная коммуникация, сотрудничество и сосуществование, вне всякого сомнения, не являются лишь вопросом здравого смысла, сознания и накопленного знания или способности мыслить логически. Можно иметь специальное образование или приводить в споре и обсуждениях лучшие аргументы, но тем не менее потерпеть неудачу, когда дело касается восприятия или принятия других, непохожих, и соответственного с ними обращения. Чтобы общаться с людьми, демонстрируя понимание и уважение к их культурно обусловленным особенностям поведения, требуются гораздо большие умения, чем школьные знания или академическая успеваемость.

Эта способность выходит за рамки когнитивной категории межкультурной компетенции. Во-первых, она имеет дело с базовыми, основными чувствами и впечатлениями человека, то есть с аффективными и эмоциональными аспектами человеческого отношения в себе и к окружающему миру. Неважным становится то, что человек может знать или объяснить, что он способен высказать. Особую значимость приобретает вопрос, может ли человек установить контакт с другим и насколько близко, проявить открытость по отношению к нему в сфере аффективной и эмоциональной характеристики, а также в области восприятия.

Чтобы проявить открытость по отношению к практическим знаниям, ожиданиям, умонастроениям, способам действия, опыту, обычаям и желаниям других, необходима эмоционально окрашенная и эмоционально мотивированная готовность. Она не появляется автоматически, даже если люди обладают способностью выказывать благородные побуждения, добровольно объявлять социально требуемые мнения или политически корректные взгляды

(или просто симулировать свое доброе расположение, то есть стратегически управлять им в форме манипуляции). Вот почему некоторые много рассуждают о межкультурной компетенции, но не могут действовать в соответствии с этим понятием.

Сознательные намерения и мысли не всегда совпадают с неосознанными мотивами и побуждениями и действительными возможностями человека. Неосознанные мотивы могут преобладать и доминировать, определяя в той или иной мере высказанные намерения. Едва ли найдется человек, который открыто заявит, что он поддерживает этноцентризм, нетерпимость, ксенофобию. Тем не менее в основе поведения многих людей лежат именно эти качества: этноцентризм, нетерпимость, ксенофобия. Они поступают так не потому, что хотят этого, а потому что в определяющий момент они не могут поступить иначе (и даже не осознают, что именно они говорят, делают или на что провоцируют). Многие из нас полагают, что легко справятся с двусмысленными, поливалентными, двойственными ситуациями, сопереживая чувствам других, принимая их точки зрения — и тем не менее не могут этого сделать, когда требуются терпение и гибкость немного больше обычного или когда их способность сопереживать оказывается не такой сильной, как они ожидали.

Концепцию межкультурной компетенции нельзя рассматривать только на когнитивном уровне знаний и восприятия. Она затрагивает гораздо более глубокие слои личности. Межкультурная компетенция относится к совокупности личностных эмоциональных качеств, которые, в свою очередь, частично происходят от сознания. Отсутствие компетенции в сфере межкультурной коммуникации чаще относится к неосознанным страхам, конкретным ситуациям волнения, неисполненным или подавленным желаниям, чем к недостатку соответствующих знаний. Этому факту уделяется должное внимание во всех серьезных моделях межкультурной компетенции, но из-за него изучение межкультурной компетенции становится слишком сложным, долгим и требующим больших усилий¹.

Многие процессы исследования, проводящиеся в аффективной, эмоциональной и волевой областях, затрагивают глубинные слои психологической личности индивида. Зачастую люди не расположены к общению с другими, особенно с представителями иной, незнакомой культуры. Люди не проявляют желания к такому общению, если у них не существует убедительных оснований полагать, что в результате этого общения и предполагаемого процесса изучения иной культуры они получат вознаграждение или выгоду. Обычно подобные основания коренятся в предыдущем жизненном опыте людей. Требуемая готовность воспринимать новое в основном зависит от уже существующего или, по крайней мере, предполагаемого опыта, свидетельствующего, что процесс познания иной культуры с определенного момента приведет к желаемому и благоприятному усилению своего собственного потенциала действия и расширению своего жизненного опыта. Расширяя и переходя границы своего «Я» и, следовательно, немного изменяясь, наша собственная индивидуальность может подвергаться риску. Кроме того, этот процесс может быть болезненным, пусть даже впоследствии человек и не пожалеет о подобном опыте, так как он откроет новые перспективы и возможности.

Все вышесказанное подтверждается моделями, подобными тем, о которых шла речь. Кроме того, они проливают свет на вопрос, почему межкультурную компетенцию следует рассматривать как нормативную концепцию. Очевидно, что вопрос определения данной компетенции лежит в сфере идеальных задач и условий, которых ни один человек никогда не сможет достичь в полной мере, до высшего

¹ Weidemann D. Op. cit.

уровня, предложенного теоретическими моделями. Откровенно сознавать, что никому не надо стараться достичь уровня человека, идеально владеющего межкультурной компетенцией, чтобы иметь возможность налаживать обогащающее нас общение и удовлетворительные отношения с представителями иной культуры. Кроме того, утешительно знать, что все существующие на данный момент модели межкультурной компетенции далеки от совершенства. Они оставляют нерешенными много проблем. Некоторые из таких проблем заслуживают отдельного упоминания, так как указывают на огромный пробел в знаниях и, возможно, также заставляют размышлять над теоретическими ограничениями таких моделей.

Модели, исследуемые в данной работе, рассматривались как простое перечисление необходимых компонентов межкультурной компетенции. Это не означает, что создатели подобных моделей просто собирают воедино общие качества для исследуемой концепции, которые они полагают существенными и необходимыми. Но подобное перечисление ставит вопрос, какие конкретно положения, теоретические или полученные опытным путем, какие функции или значения свойственны приводимым компонентам межкультурной компетенции? Являются ли эти компоненты строго необходимыми и, кроме того, фундаментальными и общими (то есть применимыми во всех возможных ситуациях межкультурного общения)? Являются ли они достаточными для адекватного и успешного применения (в их общем значении или конкретном, специфическом) в межкультурном общении; и если да — то в каких комбинациях? Как перечисленные компоненты взаимодействуют друг с другом, как они оказывают взаимное влияние друг на друга, уменьшается или увеличивается их воздействие в результате взаимовлияния? Все эти проблемы остаются нерешенными, а нередко даже не ставятся.

Являются ли такие модели общестинными, можно ли их применить для всех существующих и возможных контекстов и ситуаций межкультурного общения в равной мере, имеют ли они практическую ценность и применение в них? Или, возможно, что некоторые компоненты межкультурной компетенции более важны в определенных сферах жизни и деятельности, чем другие? Возможно ли, что подобная ситуация есть случай, когда то, что мы называем «межкультурной компетенцией», будет меняться в зависимости от обстоятельств?

Существуют убедительные причины, чтобы принять дифференциацию прагматической и семантической составляющих межкультурной компетенции. Можно задать вопрос: является ли межкультурная компетенция в стратегических деловых переговорах между руководителями международных корпораций той же самой, что и совокупность знаний, способностей и умений для счастливого межкультурного брака и совместной жизни? То же можно отнести к совместным полицейским операциям и сотрудничеству в области развития, религиозным миссиям и международной психологической поддержке или психотерапии, так же как и к другим многочисленным ситуациям и контекстам общения. Иными словами, является ли понятие межкультурной коммуникации скорее ситуативно обусловленным потенциалом, чем совокупностью общих способностей и умений, определенных знанием, одинаково проявляющей себя в разных областях жизни и деятельности? Этот вопрос следует изучать в сравнительном анализе, но пока данных для такого анализа собрано недостаточно, и его можно проводить только частично.

Можно ли считать современные существующие модели межкультурной компетенции справедливыми и универсальными, общими, несмотря на очевидный факт, что они были созданы, развиты и опубликованы небольшой груп-

пой в основном западных, то есть американских и европейских, ученых? (Представители не-западного мира принимали участие в создании подобных моделей, но в большей степени лишь как консультанты, случайно оказавшиеся рядом в научно-исследовательском центре.)

Складывается довольно парадоксальная ситуация, напоминающая «шутку истории»: до настоящего времени мы долго обсуждали определения, модели и теории межкультурной компетенции и не обращались за советом к представителям иных, других культур, с которыми предполагали вести общение на основе межкультурной компетенции. Подлинное общение на тему межкультурного диалога, общение по поводу тех проблем, которые мы изучаем и будем изучать во многих научных дисциплинах, чтобы проанализировать и понять концепцию межкультурной коммуникации (включая ее нормативные и политические аспекты), до сих пор велось несистематически, непостоянно.

Истинное знание так называемых не-западных культур в этой области остается скрытым¹, что проявляется в самих моделях межкультурной компетенции. Достаточно вспомнить о неписаном правиле ссылок на психологические концепции и теории, которое укоренилось в западноевропейской традиции. Западный образ мысли уже становится очевидным благодаря тому апломбу и самоуверенности, с которой мы говорим, обсуждаем и исследуем концепцию межкультурной компетенции, априори полагая ее интересной для всех и совершенно новым направлением. И лишь немногие задают себе вопрос, а так ли это на самом деле.

Несмотря на эти неясности и оставшиеся без ответа вопросы², которые, несомненно, еще проявятся в будущем, и в настоящее время можно извлечь много ценной информации из процитированных выше определений и моделей. Как было сказано, это вопрос возможностей, заложенных в личности, и аспектов личностного потенциала действия. Обе стороны являются одинаково важными в ситуациях межкультурного общения. Вне всяких сомнений, успех межкультурной коммуникации, сотрудничества и сосуществования зависит не только от личностных факторов и данной конкретной ситуации³. Сюда также входят общественные и политические факторы.

Кроме того, аналогично ситуации социального взаимодействия, действие межкультурной компетенции не есть результат только двух участвующих в общении сторон. Межкультурная компетенция проявляет себя в пространстве коммуникации и взаимодействия, где реальные или воображаемые представители иной культуры тоже имеют значение. Как именно действует наше эго, чего оно может достичь в ситуациях межкультурного взаимодействия, зависит от альтер эго, а следовательно, от волеизъявления, способностей, действий или пассивности противоположной стороны. Это может рассматриваться как одна их характеристик ситуации общения.

Таким образом, межкультурная компетенция отдельного человека, его культурно обусловленное понимание этой компетенции принадлежит к потенциалу действия индивидуума, который всегда зависит от мотивов, намерений, поведения, компетенции другой стороны общения. В этом смысле межкультурная компетенция есть теоретическая система, неизбежно разрывающая границы индивидоцентрированного мышления. Это социальная и культурная теоретическая концепция, открытая для межкультурного диалога.

¹ См.: Chakkarath P. What can Western Psychology Learn from Indigenous Psychologies?; Idem. Kulturpsychologie und indigene Psychologie; Misra G., Gergen K. J., Gluece A. Op. cit.; Misra G., Mohanty A. K. Op. cit.; Misra G., Srivastava A. K. Op. cit.

² Straub J. Kompetenz.

³ Thomas A. Interkulturelle Kompetenz.

Заключительные замечания по вопросу этики межкультурной компетенции

Межкультурный диалог включает этическую и моральную составляющие человеческой деятельности. Межкультурная компетенция представляет для большинства из нас, современных людей, самооценку и определяет нормы и стандарты. Большинство из нас считают ее идеальной и сбалансированной, что, как мы надеемся, послужит поддержкой для наших принципов, даст верное направление нашим действиям. Мы ожидаем от нее успешной, удовлетворительной и в определенной мере мирной деятельности, которая будет сочетаться с обычаями, желаниями и потребностями всех вовлеченных в процесс межкультурного общения, насколько это возможно в каждом конкретном случае.

Межкультурная компетенция касается наших современных представлений о законности морали и политики, а также о желательных социальных действиях. Она представляет собой важный аспект нашего морального и этического образа самих себя. Это верно для большинства представителей Запада и их типа мышления, основанного на представлениях либеральных и демократических обществ. Это также является верным и для других людей во многих частях нашего глобализованного мира. Но, несмотря на это, остается открытым вопрос: является ли вышерассмотренная концепция межкультурной компетенции универсальным, приемлемым во всем мире понятием или же она представляет собой еще одну идеологическую этноцентрическую западную концепцию, необычайно полезную при возрождении и усилении неокOLONIALной политики в постколониальную эпоху?

Согласно широко распространенному мнению относительно межкультурной компетенции в западной науке и западном обществе каждый человек есть типичный представитель человечества, рассматриваемый как *pars pro toto* (часть вместо целого), который должен быть или стать (или желает быть или стать) компетентным в сфере межкультурного общения. Он должен критически оценивать, судить, воспринимать и постигать себя именно с этой точки зрения. Желанное становление происходит на протяжении всей жизни, это непрерывный процесс познания, который создается и поддерживается системой образования и обучения, начиная с самого раннего возраста (с детского сада) и заканчивая системой образования для взрослых в пожилом возрасте. Этот процесс обязателен для современного глобализованного мира, его трудно оставить незамеченным, а также проигнорировать. Скорее его следует рассматривать как имеющий далеко идущие последствия, но не нужно торопить события. Каждый должен сам для себя критически оценить его необходимость (например, с точки зрения возможных мер наказания, которым может подвергнуться современный человек, или с точки зрения опасности поверхностного понимания межкультурной компетенции, которая остается без практического применения и скорее скрывает, утаивает психологические и социальные потребности, чем решает их). Эти вопросы следует решать в рамках будущего межкультурного общения.

Понятие межкультурной компетенции гораздо шире и значительно отличается от простого потенциала действия, который позволяет людям действовать рационально, обоснованно, достигать поставленных целей и задач или, другими словами, устанавливать адекватные и эффективные межкультурные отношения. Рассматриваемое понятие не касается исключительно способа выполнения или улучшения данной деятельности, которая в противном случае может не только окончиться неудачей, но и привести к серьезным и опасным конфликтам.

Те, кто сейчас говорит о межкультурной компетенции, как правило, заявляют, что рассматривают иную, незна-

комую культуру и ее представителей как самоцель, только лишь для изучения, и не считают эти знания необходимым компонентом при попытках установить и усилить межкультурное общение, сотрудничество и сосуществование. Заявленное во всеуслышание требование уважать другие культуры есть не только способ для стратегического планирования успешного общения, или сотрудничества, или сосуществования, или проявления к нему общего интереса. Уважение иных культур может способствовать расширению границ инструменталистского образа мышления. Незнакомая, другая культура и ее представители, являющиеся второй стороной в межкультурном общении, заслуживают большего, чем простое перечисление или стратегически обоснованное рассуждение об их культурных традициях, особенностях, ценностях и способах деятельности.

Это замечание иногда едва заметно, а иногда явно проявляется во многих научных и общественных обсуждениях и исследованиях по межкультурной компетенции. Эти исследования и обсуждения направлены против инструменталистской концепции мышления. Иная, непохожая на нашу культура не только более или менее подходящее средство достижения личных или коллективных целей. Она выдвигает гораздо более радикальные требования к толерантному отношению, уважению, признанию себя именно как другой и непохожей культуры, чей образ мышления, чувства, желания, действия навсегда останутся частично непознанными, несмотря на успешные попытки понять и объяснить ее. Эта точка зрения, основанная на социальных, культурных, психологических отношениях, важна для данного исследования.

Современные представления о межкультурной компетенции по-новому освещают категорический императив Иммануила Канта в его так называемой «формуле самоцели», которая утверждает, что человек ни в коем случае не должен относиться, обращаться и использовать других людей просто как средство достижения собственной цели. Напротив, он должен расценивать и относиться к ним как к самоцели, в нашем случае — воспринимать представителей иной культуры как таковых, уважать и принимать их как они есть. Эта заповедь касается тех сфер иной, незнакомой культуры, которые, несмотря на старательные, многочисленные попытки соперничества, принятия другого образа мысли и действия, остаются недостижимыми. Они должны оставаться скрытыми как совершенно иная, непохожая культура, которую мы можем различить благодаря явлениям, немного, незначительно отличающимся от нашей культуры¹.

В этом смысле концепция межкультурной компетенции является составляющей широко распространенной современной концепции мира и личности, в которой иная, непохожая культура и ее представители играют совершенно другую роль. Они, как и любая форма непохожести, отличия, гораздо больше ценятся и почитаются и считаются способом борьбы с инструменталистским образом мышления. В современной философии существуют многочисленные доказательства такого способа рассуждений, и все накопленные в этой области знания расцениваются именно с такой точки зрения.

Иная, непохожая культура и ее представители являются точкой отсчета, с которой начинаются этические и моральные отношения личности и мира. Долгое время это утверждение считалось принадлежащим концепции универсализма. Согласно распространенному мнению оно стало обязательным способом мышления для всего человечества, которое не даст культурным различиям затрунить

¹ Waldenfels B. Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden. Frankfurt-am-Main, 2006; Leibsch B. Moralische Spielräume. Menschheit und Adnerheit, Zufähigkeit und Identität. Göttingen, 1999.

или положить конец процессу поиска общих черт для всего человечества. Однако такое мнение не только непродуктивно или вредно, но и нелепо из-за того, что уделяется чрезмерное внимание (все-таки до конца непостижимой) другой культуре.

Подытоживая вышесказанное, мы проанализировали концепции межкультурной компетенции и выявили два подхода к этому понятию. Их можно встретить в научных и общественных обсуждениях, и обычно эти подходы строго не разграничиваются. С одной стороны, существует концепция, которая должна служить цели практического улучшения межкультурной коммуникации, сотрудничества и сосуществования. Ее целью является взаимопонимание, достигнутое и удовлетворяющее обе стороны диалога, адекватное по отношению к соответствующим культурным особенностям и эффективное. Многочисленные эмпирические исследования, изучения и практические проекты основываются на этой концепции. С другой стороны, в этой концепции необходимо отразить следующее положение: межкультурная компетенция должна быть самоценной. Это проблема не только восприятия, уважения и признания людей, способы деятельности, языковое общение и образ жизни которых отличаются от наших, но и проблема выявления различий между людьми как мера возможной полной непохожести, как осознание этой непохожести и включение ее в имеющиеся отношения мира и личности.

Это побуждение (которое можно назвать критикой смысла, но ни в коем случае не отказом от смысла) стоит вне этики и морали, то есть вне традиций Канта. Концепция межкультурной компетенции, рассматриваемая таким образом, может относиться к этике несхожести, которая впервые стала отчетливо осознаваться в XX веке (особенно в работах исследователя Эммануэля Левинаса). Она оказала особое влияние и привлекла пристальное внимание, когда в ходе истории прогрессивной, разумно действующей Европы другие, отличные от нее, культуры и их представители неоднократно подвергались геноциду и крайне жестокому обращению.

Когда сегодня речь идет о межкультурной компетенции, необходимо уделить внимание вопросу: «Кем в будущем может стать человек?». Это проблема еще не использованного потенциала действия и жизненного опыта, уси-

ление и расширение которых — главная моральная и этическая проблема, которая может считаться приоритетной политической и педагогической задачей. Многочисленные научные дисциплины (такие как психология, этнология, социология) могут помочь в достижении поставленной цели. Люди, открытые для других культур и их представителей, в некотором роде ущемляют себя и ставят свою личность в зависимость от потребностей и намерений других людей. Они разрывают герметически закрытые, заранее установленные привычные рамки упрямой защиты самих себя, своей личности и позволяют слабости зависимости и взаимозависимости, когда представителям другой стороны диалога разрешается вторгаться и взаимодействовать с их собственной личностью.

Таким образом, мы можем считать концепцию межкультурной компетенции как наиболее впечатляющее проявление устойчивого смещения и изменения центральной роли «Я» в коммуникативном аспекте у современных людей. Это составляет современную социологическую и психологическую концепцию личностного самосознания. Личностное самосознание всегда было противопоставлено идее полностью структурированных отношений мира и личности. «Ничто извне не должно проникнуть вовнутрь, ничто изнутри не должно проникнуть наружу!» Самосознание, возникающее и изменяющееся при межкультурных взаимоотношениях, кардинально отличается от изжившей себя косной идеи самоутверждения¹.

Тесная взаимосвязь между понятиями «межкультурная компетенция» и «самосознание личности» — двумя теоретическими концепциями, возникшими в XIX и XX веке в западном обществе и связанными с политической и повседневной деятельностью именно этого общества, — еще раз заставит задуматься над важным вопросом: являются эти концепции и их прагматическое семантическое значение универсальными (как в эмпирическом, так и в нормативном смысле) или конкретными культурно-обусловленными понятиями, которые не могут быть признаны, приняты и практически использованы в современном мире и с расчетом на будущее? Как уже было сказано, эта сложная и чрезвычайно важная проблема может иметь решение только при постоянном межкультурном диалоге или полилоге.

¹ *Straub J.* Personal and Collective Identity : A Conceptual Analysis // *Identities. Time, Difference and Boundaries.* N. Y. ; Oxford, 2002; *Straub J., Zielke B., Werbik H.* Autonomy, Narrative Identity, and Their Critics. A Reply to Some Provocations of Postmodern Accounts in Psychology // *The Adaptive Self. Personal Continuity and International Self-Development.* Göttingen, 2005.